

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В доме-музее Л. В. Собинова с недавнего времени можно услышать не только неповторимый тенор великого русского певца, но и музыку его сына, Бориса Собинова. Исполнение своих музыкальных произведений на родине – самая большая мечта русского эмигранта, так и не осуществившаяся при его жизни.

Нотные тетради Бориса Леонидовича попали в Ярославль, когда только начиналось строительство дома-музея Собинова. В те годы семья певца передала для создания экспозиции много его личных вещей, мебель из ярославского дома, фотографии, костюмы.

Ценность трех папок с нотами сына Собинова от первого брака понимали и тогда, но, прежде чем начать работать с музыкантами, хотелось больше узнать о самом Борисе. Линия его жизни прояснялась медленно – поиски в архивах Москвы, переписка и встречи с родственниками, воспоминания людей из окружения Собинова по крупницам воссоздавали прошлое. Дочь Леонида Витальевича от второго брака, Светлана, знала далеко не все подробности этой тяжелой судьбы – ведь родители оберегали ее от грустных воспоминаний. И все-таки мало-помалу жизнь старшего сына Собинова начала вырисовываться.

Родился Борис в 1895 году в Москве, в семье студентов – будущего юриста и актрисы. Прощение Собинова на брак, написанное на имя ректора Московского университета, хранится в Российском Государственном архиве литературы и искусства. В те времена студенты просили благословения не только у родителей, но и у руководителей учебных заведений. Сведений о первом браке сохранилось мало – вероятно, как и все ранние союзы, возник он из страстной

любви. Первые роды у Марии Федоровны Картавиной были неудачными – мертвый мальчик. Вскоре появились погодки – Борис и Юрий. Когда дети были еще совсем маленькими – три года Борису и полтора – Юрию, родители их расстались. О причинах разлада можно лишь догадываться. Правда, брак свой официально они не расторгали до 1915 года – 20 лет. Известно, что Мария Федоровна, переживая разрыв с Собиновым, который именно за это время стал известным певцом, запрещала детям встречаться с отцом. Но время примирило бывших супругов – отношения наладились, и первая жена осталась для всей семьи Собинова родным человеком – даже Светлана приезжала к ней в гости.

Леонид Витальевич часто общался с сыновьями. Свидетельство тому – дневник Юры. Каждый день записи об отце – «папа сказал», «приходил папа», «слушал папу». Собинов гордился детьми: они были щедро наделены разными талантами – хорошо рисовали, писали стихи и прозу, музицировали, пели. Будущее свое оба сына связывали с музыкой. Борис

начал карьеру концертмейстера, еще будучи учеником Медведниковской гимназии, где учились братья. Имя его значилось в программах концертов тех лет. Но юношеские мечты о музыкальной карьере так и остались мечтами.

Революция разлучила сыновей Собинова сначала с отцом, а затем и с Россией. Их сознательный выбор – Белая гвардия. В 1920 году Борис уехал из Крыма с остатками армии Врангеля в Голиполи. Русские эмигранты звали эту местность по созвучию «голым полем», жили сначала в землянках, затем в палатках – без работы, без денег, без надежд.

Из Голиполи Борис переезжает в Берлин, но до 1923 года отцу о себе знать не дает – то ли не имеет возможности, то ли опасается за его безопасность. В Берлине он заканчивает высшую школу музыки. В 20-е годы юго-запад Европы был буквально заселен русскими, там были издательства, галереи, кинофабрики. В одно время с Борисом Собиновым там же создавали свои лучшие произведения Набоков, Шкловский, Ходасевич. В одной из программ стоят рядом имена Собинова и Ольги Чеховой.

Счастливая возможность гастролировать позволила Леониду Витальевичу встречаться с уже единственным к тому времени сыном – Юрием погиб в боях за старую Россию. После одной из поездок в Германию Собинов и привез домой три нотные тетради.

В 30-е годы отец и сын совершили вместе несколько концертных туров по Европе. Леонид

Витальевич с семьей – женой Ниной Ивановной и дочерью Светланой – приехал в Ригу. Туда же, не рискуя быть схваченным чекистами, прибыл и Борис. Программа их гастролей сохранила оба имени – Борис был концертмейстером. Светлана Леонидовна вспоминала, что Борис уже тогда хотел вернуться в Россию, но отец его отговаривал. У самого Леонида Витальевича был небольшой, но очень неприятный опыт общения с чекистами. Его схватили во время облавы в Крыму, поместили в камеру. Лишь настойчивое вмешательство друга, известного театрального критика В. Кугеля, который на свой страх и риск взялся объяснить, что значит имя Собинова в культуре, тем, кто этого имени не знал, спасло певца. Послали ответ, Собинова отпустили.

Судьба распорядилась так, что Борис смог попрощаться с отцом. Умер Леонид Витальевич в Риге, и Борис прилетел туда, как только получил печальное известие. Власти приглашали его поехать на похороны отца в Россию, гарантируя безопасность, но сделать этого Борис не решился.

И все-таки приезд Бориса в Россию состоялся, правда, не такой, о котором он мечтал. В 1945 году, после Победы, советские военные попросили его выступить в одной из частей. Борис поехал и домой больше не вернулся. Приглашение на концерт оказалось пропуском в советские лагеря. Нина Ивановна Собинова хлопотала о его освобождении как могла, используя все свои связи, в том

числе и дружбу с Ворошиловым, но все безуспешно.

Свидетельство о жизни Бориса в лагерях – его письмо к матери – недавно попало в музей. Один из родственников Марии Федоровны Картавиной, обнаружив сайт музея в Интернете, послал в Ярославль несколько копий последних писем Бориса. Не жалуясь, Борис пишет, что весь архив его пропал, а писать новую музыку нет ни здоровья, ни желания. Вернуться из заключения Борису было некуда – в Москве жить нельзя. Некоторое время скрывался на даче в Переделкино, но уехал и оттуда. Приютили больного, сломленного человека родственники Модеста Ильича Чайковского, которые жили в Клину.

В 1955 году Борис Леонидович умер от рака. А три нотные папки с его автографами, может быть, и не зазвучали бы никогда, если бы не строительство музея в Ярославле. Даже после смерти отец помог сыну. С нотами Бориса Собинова начинали работать разные музыканты, но все сложилось в концерт только у пианистки Натальи Бакуровой и солиста Андрея Микеничева. Работа шла медленно, и лишь спустя несколько месяцев Андрей Микеничев принял эту музыку, как он говорил, ни на какую не похожую, интересную, сложную, которую надо было учить как математическую формулу. И хотя не все верили в успех, ярославская публика приняла музыку Бориса Собинова. Его настоящее возвращение на Родину все-таки состоялось.

**Алла АНОСОВСКАЯ,
Марина ШИМАНСКАЯ.**